

Реанимация художника Богомолова

Он нигде не учился художественному ремеслу, но его считают признанным корифеем питерского андеграунда. У Глеба Богомолова были сотни выставок за рубежом, его работы приобретены Русским музеем и Третьяковской галереей, Музеем им. Пушкина, крупнейшими национальными хранилищами США, Германии, Кореи и других стран.

В 70-е Богомолов — активный участник «квартирных выставок» и один из организаторов двух шумевших экспозиций художников-нонконформистов, которые вошли в историю как «газетовская культура». Экспозиция в ДК Газа открылась вслед за знаменитой «бульдозерной выставкой» в Москве, а потом Богомолов с друзьями затеяли вернисаж альтернативного искусства в ДК «Невский», который, несмотря на гонения, прославил ленинградский андеграунд.

В этом году ему исполнилось 70, но Глеб, словно заговоренный, не стареет. Он носит большой зеленый перстень и стильные кожаные ботинки.

С ним случаются разные мистические истории. Однажды Лия Ахеджакова подарила Глебу серебряный крест работы известного московского ювелира Людмилы Копыриной. Тот крест у него украли, а спустя некоторое время совершенно незнакомый с Глебом брат Копыриной приехал в Петербург и увидел, как какой-то бомж на улице продавал работу его сестры. Так крест от Лии вернулся к Глебу.

Предметы

— Когда-то я любил и собирал антиквариат. А потом понял, что, чем обширнее и лучше будет моя коллекция, тем больше я стану ее рабом. Я с ней расстался и как бы освободился от этого. Не хочу зависеть от вещей, поэтому я их просто вежливо люблю.

Когда-то давно я начал серию, которую никогда, наверное, не закончу, — «Реанимационные объекты». Ходил по помойкам, по заброшенным домам и искал вещи, которые могут превратиться в интересную работу. А началось все с того, что мне в руки попала старая иконная доска. На ней совершенно ничего не было. Все было смыто водой и временем. Я стал ее грунтовать, обклеивать, а потом вдруг понял, что, загрунтованная и подготовленная к работе, она помимо моей воли превратилась в самостоя-

тельный объект, и тут уже ничего нельзя менять.

Однажды ко мне пришел один немец. Он любил и покупал мои картины, но на эту не обратил никакого внимания. А через несколько лет одна молодая женщина — совсем простая и мало искушенная в живописи — как вкопанная, стояла возле этой работы и шептала: «Какая потрясающая энергия!». А когда я показал ей другую свою картину, очень красивую, в золотисто-голубых тонах, но написанную на полке из коммунальной кухни, она даже не захотела на нее смотреть.

Дело в том, что эта женщина была очень мощным экстрасенсом. Какими-то неведомыми путями она воспринимала энергию и силу пустой в общем-то доски, а за красивыми красками почувствовала коммуналку с ее scandalной аурой. Видимо, вещи, долго прожившие с человеком, сохраняют какую-то память и энергию, и люди чуткие это чувствуют.

Среди других моих «Реанимационных объектов» есть работа, которую я очень люблю, — «Филенка от двери квартиры № 37». Это действительно дверь от квартиры № 37 на Пушкинской, которая валялась возле пустого дома. Я вырезал филенку в форме креста, а циферку 37 оставил. Потом поверхность обработал, что-то соскоблел, где-то положил золотую краску, словно осыпавшуюся позолоту, — символическая штука получилась. Вот такая дурацкая затея — работа из хлама. Для меня эти вещи представляют гораздо большую ценность, чем тот антиквариат, которым я увлекался когда-то.

Цвет

— У меня сложные отношения с цветом. Я начинал свою авангардистскую деятельность в эпоху ненавистного для меня соцреализма, в котором были такие паршивые грязные цвета! А я смотрел тогда в сторону Сарьяна и Матисса, писал разными яркими красками. Но сейчас все больше и больше работаю с грязным цветом. Поче-

му — трудно сказать. Все мое искусство построено на любви: просто полюбил эти грязные, сероватые, нежные цвета.

А вот с золотым у меня давняя дружба, которая началась с прогулок по Петербургу. Мне нравилось болтаться по городским задворкам, где какие-то каналы, покосившиеся хижинки, странные дворы. Особенно — в летние вечера. А поскольку мне это нравилось, то делал и картинку. Но в них всегда возникала какая-то фальшь: зеленое небо — ужасно, это чертово голубое небо — тоже чужое, в нем не было ничего энергетического и совершенно не соответствовало моим ощущениям.

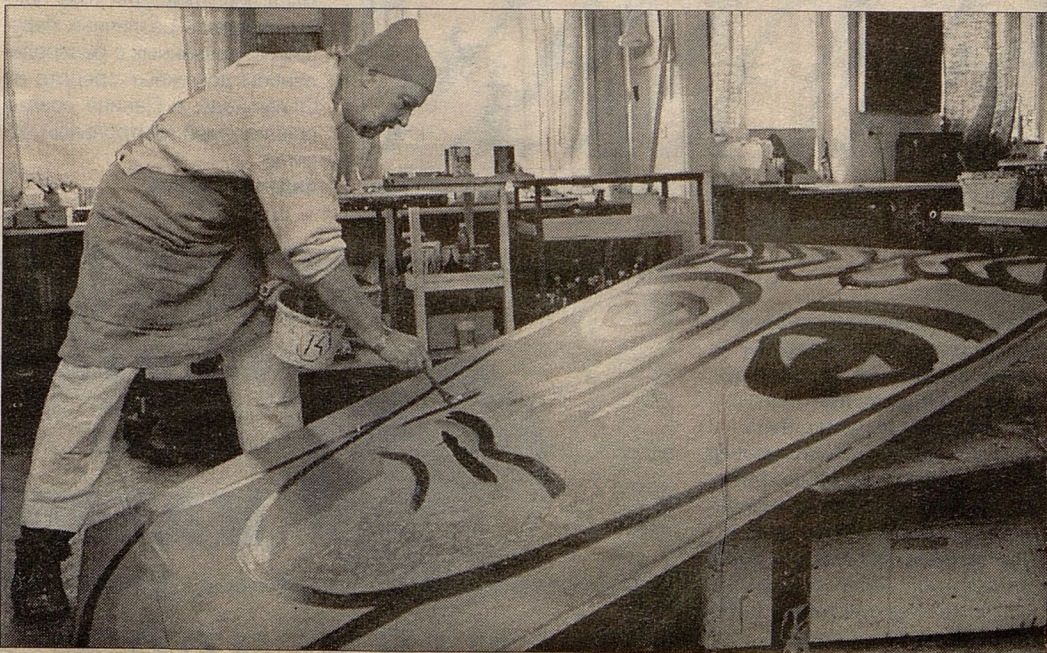

ФОТО АВТОРА

Однажды я решил сделать небо золотым, хотя и нет такого неба. Золотой краски не оказалось, и я написал бронзовое небо, коричневые и черные домики, и эмоционально это сработало. Так меня впервые зацепило золото. Кроме того, я всегда интересовался древним русским искусством, а там постоянно использовалось золото — правда, не как краска, а как декоративный фон. Я полюбил золото и провозгласил для себя и во всеуслышание, что это тоже краска.

Дыры

— Я часто использую такие изобразительные приемы, как фрагментарность и дыры. Последнее — результат сильных потрясений, пережитых в детстве. После войны я был в лет-

нем пионерском лагере в Царском Селе, и мы с мальчишками часто лазили по руинам. Как-то в Феодоровском соборе среди старых солдатских касок и гильз я нашел пробитую тельняшку с засохшей кровью. Я держал в руках то, чего уже нет. Осознание того, что это — пустая оболочка реального человека, произвело на меня очень сильное впечатление. Хотя я пережил блокаду, так четко дыхание смерти ощутил впервые.

Потом видел напроочь разрушенные Минск и Витебск, а под Ленинградом — гигантское промышленное здание, пробитое снарядами. С тех пор «дыры» для меня — это определенная эстетика. Я чувствую их

трагедию и красоту, поэтическую силу.

Но «дыры» нельзя взять и понаделать просто так — ничего путного не получится. Они должны быть случайные и настоящие. Только тогда они воздействуют, в них появляется сила, опасность и мощь. Твоя задача — лишь выбрать, какой именно кусок использовать.

Когда в Русском музее была выставка «Абстракция в России. XX век», я из совершенно корыстных соображений выставил свои «Плашаницы» с дырками. Потому что хотел заявить: это — мое.

На этом построена, например, большая серия «Апокалипсис». Началась она с темы «Мишени». Я смотрел на использованные поясные бумажные мишени и вдруг увидел, что они очень похожи на иконописный

силуэт Богоматери с покрытой головой. Возникла дикая идея сделать такой силуэт с простреленными дырками. Он присутствует в каждой картине этого цикла, немного меняется только форма, фактура, цвет, количество дыр, где-то появляется коллаж — обрывки плакатов, фрагменты церковных книг...

Цикл завершается «Утром первого дня сразу после Апокалипсиса». Там тот же простреленный силуэт, только фон уже совсем другой: спокойное, ясное золотое небо, чистый горизонт. Бардак кончился, но земля существует, и что-то осталось, что-то будет. И надо сделать первый шаг в неведомое...

начинает командовать, какой ей быть. Чаще всего так происходит, когда очень устаешь. Наступает момент, который в индийской философии называют состоянием самадхи, будто чья-то воля ведет тебя. Рука сама идет, как надо, и краска попадает, какая нужна. В итоге получается совсем не то, что задумал, но — хорошо. В такие минуты я чувствую, что меня ведет рука Бога, но это редко случается...

Раньше я пытался объяснить, что со мной происходит, а потом перестал. Мне сейчас не нужно, чтобы со мной спорили, обращали внимание. Я вообще изменился. Живу более уединенно, в кругу людей, которых люблю. У меня даже почерк стал другим: раньше был вынужденный, а теперь какие-то буквы сокращаю, совмещаю...

Но есть вещи, которые не меняются. У меня по-прежнему сложные отношения с реальностью. По-моему, художники достигли вершин, воспевая существующую божественную реальность: моря и горы, небеса и красивых женщин. На самом деле за границей всего этого есть что-то другое, твои психологические ощущения. Важно найти им адекватное выражение и передать тому, кто смотрит твою работу.

Есть такой американский скульптор — Ричард Серра. Он поставил в Берлине два огромных толстых листа стали, между которыми можно пройти. Они ржавые, там ничего не нарисовано, просто безумные сотни и сотни тонн. Но в этой массе тупого металла такая невероятная сила, которая выглядит, на мой взгляд, гораздо мощнее, чем статуя Самсона. Да, никакой красоты там нет, но есть другое — огромная психологическая энергия. Вот почему я с такой любовью отношусь к абстракционизму — это прыжок в твою внутреннюю сущность, которая за пределами реальности...

...Закончив работу, он не ставит своей фамилии на готовом холсте. В нижнем правом углу каждой картины — только дата и имя: «ГЛЕБ». Потому что, если бы ставил подпись с начальными буквами своей фамилии, получилось бы нескромно: «Бог».

ИЛЬМИРА СТЕПАНОВА,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Время МН-2003-11 марта-с. 7.